

Бесплодная земля, Томас Элиот

Бесплодная земля (1922)

Nam Sibyllam quidem Cumis ego ipse

oculis meis vidi in ampulla pendere, et cum

illi pueri dicerent SiBvлла ti oелеic;

respondebat ilia апооaveiv оелw. {}

{ А я собственными глазами видел Кумскую

Сивиллу, сидящую в бутылке - и когда мальчишки

кричали ей Чего ты хочешь, Сивилла, она

отвечала Хочу умереть (лат. и

древнегреч.).}

Эзре Паунду

il miglior fabbro. {}

{ Мастеру выше, чем я (итал.).}

I. ПОХОРОНЫ МЕРТВЕЦА

Апрель жесточайший месяц, гонит

Фиалки из мертвой земли, тянет

Память к желанью, женит

Дряблые корни с весенним дождем.

Зима нас греет, хоронит

Землю под снегом забвенья - не вянет

Жизнь в сморщенном клубне.

Лето ворвалось внезапно - буянит над

Штарнбергер-Зее

Ливнем; мы постояли на колоннаде,

Прогулялись по солнцу до кафе,

Выпили кофе, поболтали часок.

Bin gar keine Russian, stamm' aus Litauen, echt deutsch. }

{ А я и не русская, родилась в Литве, чистокровная немка (нем.). }

Мы были детьми, когда гостили у кузена,

Эрцгерцога - он взял меня кататься на санках.

Я так боялась! Он сказал Мари,

Мари, держись! И мы покатались... У-ух!

Ах горы! Такая свобода внутри!

По ночам я читаю, зимой отправляюсь на юг.

Стиснуты что тут за корни, что тут за стебли

Взрастают из битого камня Сын человеческий,

Не изречешь, не представишь, ибо ты внемлешь линии

Груде обломков былых изваяний, где солнце отвесно,

Где не дает мертвое дерево тени, сверчок утешенья,

Камень иссохший журчанья. Тут лишь

Тень этой багровой скалы

(Встань в тень этой багровой скалы!),

Я покажу тебе нечто иное,

Нежели тень твоя утром, что за тобою шагает,

Или тень твоя вечером, что встает пред тобою;

Я покажу тебе страх в горсти праха.

Frisch weht der Wind

Der Heimat zu

Mein Irisch Kind,

Wo Weilest du }

{ Дует свежий ветер

На Родину,

Моя ирландская малышка,

Где ты ждешь (нем.).}

Год назад гиацинтами украсил меня ты впервые;

Я звалась гиацинтовой девой.

- Но после, когда мы покинули Сад Гиацинта,

Ты в цветах и в росе, я же

Нем был, и очи погасли мои,

Ни жив ни мертв, ничего я не знал,

Глядел в сердце света - молчанье.

Oed' und leer das Meer {}.

{ Море безбрежно и пустынно (нем.).}

Ясновидящая мадам Созострис

Сильно простужена, однако, несмотря на это

обстоятельство,

В Европе слывет мудрейшей из женщин

С колодою ведьминских карт. Она говорит

Вот ваша карта - Утопший Моряк-Финикиец

(Вот жемчуг очей его! Вот!),

Вот Белладонна, Владычица Скал,

Примадонна.

Вот Несущий Три Посоха, вот Колесо,

Вот Одноглазый Торговец, а эту карту

Кладу рубашкой, не глядя

Это его поклажа. Что-то не вижу

Повешенного. Бойтесь смерти от воды.

Вижу я толпы, идущие тихо по кругу...

Благодарю. Увидите миссис Эквитон,

Скажите, гороскоп я сама принесу

В наше время нужно быть осторожным.

Город-Фантом

В буре тумане зимнего утра

По Лондонскому мосту текли нескончаемые

вереницы

Никогда не думал, что смерть унесла уже столько...

Изредка срывались вздохи

И каждый глядел себе под ноги.

Так и текли, на холм и дальше

по Кинг-Уильям-стрит.

Где Сент-Мэри-Вулнот мертвой медью

Застыл на девятом ударе.

В толпе я увидел знакомого, остановил

и воскликнул Стетсон!

Мы сражались вместе в битве при Милах!

В прошлом году ты закопал в саду мертвеца

Дал ли он побеги Будет ли нынче цвести

Выстоял ли в заморозки

Подальше Пса держи - сей меньший брат

Его когтями выроет назад!

Ты! hypocrite lecteur! - mon semblable, - mon frere! {}

{ Лицемерный читатель! - двойник мой, мой брат! (франц.) }

II. ИГРА В ШАХМАТЫ

Сидела в кресле, будто бы на троне,

Блестящем на мраморном полу,

И зеркало с злаченым купидоном,

Упрятанным в лепной лозе подставки

(Второй крылом глаза себе прикрыл),
Двоило свет шандалов семируких
И возвращало его на стол, откуда
Ему навстречу блеск брильянтов шел
Из множества футлярчиков атласных.
Из костяных и из хрустальных склянок
Ее тяжелый странный аромат
Сочился, и тревожил, и смущал,
Мутя рассудок; с воздухом всходил он
По струйке от окна,
Колебля язычки горящих свеч,
И дым вздымал к резному потолку,
Мрача узор кессонов.
Аквариум огромный с купоросом
Зеленым и оранжевым горел,
И плавал в нем резной дельфин.
Над полкою старинного камина,
Как будто в райский сад окно, сюжет
Метаморфозы бедной Филомелы,
Поруганной насильником-царем;
Там соловей еще пустыню полнил
Невинным гласом, он еще рыдал
Фьюи-юи-юи сквозь серу в уши.
И очевидцы времени иного
На пыльных стенах жухли там и сям,
Свисали клочья, глуша все звуки в раме.
Шаги в дверях...

Ее власы под гребнем при свечах,
Как пламя, шевелились,
И в них слова, но тут их грубо смяли.
Я к вечеру сдаю. Неважно мне. Останься.
Поговори. Отчего ты все молчишь
О чем ты думаешь О чем Что-что
Не знаю, что думаешь ты. Думай!
Я думаю, что мы в крысином ходе,
Где мертвецы порастеряли кости.
Что там за шум в дверях
Наверное сквозняк.
Что там за шум Чего он там шумит
Да ничего.
Ты
Ничего не знаешь И не видишь Не помнишь
Ничего
Я помню
Вот жемчуг очей его.
Да жив ли ты Что у тебя на уме
М-м...
О О О О О Шакеспирский рэг
Как прекрасен он
Первоклассен он
Так что же мне делать Что делать
Вот выскочу сейчас на улицу в чем есть,
Простоволосая... Что нам делать завтра
И что вообще

Душ ровно в десять.

И если дождь, то лимузин в четыре.

И нам, зевая, в шахматы играть

И дожидаться стука в наши двери.

Когда Лил ждала мужа из армии, я сказала

Сама ей, напрямик,

ПОТОРОПИТЕСЬ ВРЕМЯ

Альберт вот-вот вернется, приведи себя в норму!

Он же про деньги спросит, да-да, про деньги,

Те самые, что выдал тебе на зубы.

Лил, да выдери ты все и сделай челюсть,

Так он и сказал, ей-богу, на тебя смотреть

противно.

И мне противно, я сказала, об Альберте-то

подумай,

Четыре года в армии, он же захочет пожить,

А не с тобой, я сказала, так с другой.

Да ну! Вот тебе и ну, я сказала.

Тогда я знаю с кем, сказала, и так на меня

посмотрела!

ПОТОРОПИТЕСЬ ВРЕМЯ

Ты можешь продолжать в том же духе, я сказала,

Найдутся без тебя, и без меня. И

А когда он тебя бросит, не гадай насчет причины,

Я сказала, не стыдно ль быть старухой!

(В ее-то тридцать один!)

Что делать, она сказала и помрачнела,

Это ведь все из-за таблеток, ну ты знаешь...

(У нее уже пятеро, на Джордже чуть не сдохла.)

Аптекарь говорил, что без побочных.

Ну ты и дура, я сказала,

Допустим, Альберт тебя и не бросит,

Но замуж-то зачем как не рожать

ПОТОРОПИТЕСЬ ВРЕМЯ

Ну вот, в воскресенье Альберт и приехал,

На окорок они меня позвали, с пылу-жару...

ПОТОРОПИТЕСЬ ВРЕМЯ

ПОТОРОПИТЕСЬ ВРЕМЯ

Добрночи Билл. Добрночи Лу. Добрночи Мей.

Добрночи. Пока. Добрночи.

Доброй ночи вам леди, доброй ночи,

милые леди, доброй ночи.

III. ОГНЕННАЯ ПРОПОВЕДЬ

Река бездомна; суставами листва

Цепляется и валится на мокрый берег. Ветер

Молча метет гниющую землю. Исчезли нимфы.

О Темза, не шуми, пока я допою.

Река не сносит ни пустых бутылок, ни оберток,

Ни носовых платков, ни окурков, ни коробков,

Ни прочих причиндалов летней ночи. Исчезли
нимфы.

И их дружки-бездельники, сынки дельцов из Сити,

Исчезли, не оставив даже адресов.

При водах женеvских сидел я и плакал...

О Темза, не шуми, пока я допою.

О Темза, не шуми - не долго будешь слушать
песнь мою...

И в вое ветра за моей спиной

Я слышу стук костей и хохот надо мною.

Подкралась крыса по траве тихонько,

К земле прижавшись скользким животом,

А я удил в безжизненном канале

За газовым заводом в зимний вечер.

Я думал о гибели царей,

Сперва отца и вслед за этим брата

Тела нагие в мокнущей низине

И кости на высоком чердаке

Тревожимы лишь крысьего стопою.

Я временами слышу за спиной

Клаксонов рев - весною так вот Свини

Поедет к миссис Портер на машине.

Ну и ну у миссис Портер ночки

У нее дочки

Моют ножки содовой в бочке!

Et O ces voix d'enfants, chantant dans la coupole! {}

{ И о эти голоса детей, поющих под куполом (франц.). }

Фьюи-юи-юи

Тр-р-р-р-р

Так изнасиловать!

Терей

Город-Фантом

В буром тумане зимнего полдня
М-р Евгенидис, купец из Смирны,
Небрит, но карманы набиты изюмом
С. i. f. Лондон, оплата налицо,
На ломаном французском пригласил
Позавтракать в отель на Кэннон-стрит,
А потом и на уикэнд в Метрополь.
В лиловый час, час разгибання спин,
Когда мотор толпы на холостом ходу
Ревет, подобно ждущему такси,
Я, слепец Тиресий, пройдя стезей двойной,
Старик с грудями женскими, зрю и реку
В лиловый час пришествия домой
Уже открылась гавань моряку,
И машинистка дома за еду
Садится, прибрав остатки завтрака, консервы.
Хватает ветер лифчики с окна,
Что сушатся еще в закатные часы,
А на диване (где, по всей вероятности, и спит она)
Чулки валяются, тапки и трусы.
И я, Тиресий, с дряблыми грудями,
Тут не пророчу, тут один финал
Я сам гостей подобных принимал.
Вот он пред ней - прыщавый клерк, плебей,
Его бравада, мне по крайней мере,
Напоминает шелковый цилиндр
На брэдфордском миллионере.

Труба зовет его, окончен ужин,
Она устала и утомлена,
Он к ласкам переходит, весь напряжен,
Как будто бы не против и она.
Он пальцами влезает прямо в это,
Но там все безразлично, словно вата,
Его ж возня не требует ответа
И не беда, что плоть холодновата.
(И я, Тиресий, чувствовать имел
Все, что творится на таком диване;
Тиресий, что под Фивами сидел
И с тенями Аида брел и тумане.)
Венчает все холодный поцелуй
И он по темной лестнице уходит...
Уже едва ли думая о нем,
Она глядится в зеркало немного,
И мысль к ней приходит об одном
Все кончилось. И ладно. Слава Богу.
Когда девица во грехе падет
И в комнату свою одна вернется
Рукою по прическе проведет
И модною пластинкою займется.
Подкралась музыка по водам,
По Стрэнду и по Куин-Виктория-стрит,
О город, город, слышу я порою
Из бара, что на Лоуэл-Темз-стрит,
Ласкающие всхлипы мандолины,

Где рыбаки, покуда нет путины,
Просиживают дни; а рядом
Ионический Собор
Св. Магнуса своим величием поражает взор.
Пот реки
Нефть и деготь
Прилив
Баржи влачит
Красный парус
Тряпкой висит
Штиль - некому трогать.
Бревна дрейфуют
В зыби стоячей
К Гринвичу
Минуя Собачий
Вайалала лайа
Валлала лайалала
Лестер с Елизаветой
На веслах вдвоем
В форме раковины
Корма золотая
Шелк и порфира
Рябь набегая
Златит водоем
Звон колокольный
Белые башни
Воды уносят

В потоке своем

Вайалала лайа

Валлала лайалала

Трамваи, пылица, грязь.

Хайбери родина. Ричмонд могила мне.

В Ричмонде я отдалась

Прямо в байдарке на дне.

В Мургейте я. Да сама виновата.

Кончил он и начал реветь.

Он больше не будет. А я-то...

Чего уж тут! О чем сожалеть

Маргейтский пляж.

Не было забот

И ничего.

И обрезков ногтей-то за это не дашь.

А мамаша уже и не ждет

Ничего.

ла ла

И я тогда пустился в Карфаген

Жжет жжет жжет жжет

Господи уповаю на Тебя

Господи уповаю

жжет

IV. СМЕРТЬ ОТ ВОДЫ

Две недели как мертв Флеб-финикиец.

Забыл он крик чаек, песнь ветерка,

Барыши и убытки.

Теченье у дна

Глодало его молча. Пока

Не вошел он, минуя старость

И юность, в водоворот.

Почти,

Ты, стоящий у штурвала, иудей или эллин,

Почти Флеба, был он красив и строен, как ты

почти.

V. ЧТО СКАЗАЛ ГРОМ

После факельной пляски на потных лицах

После глухого молчанья в садах

После пыток в пустыне

Воплей и плача

Темницы, дворца и раскатов

Весеннего грома далеко над горами

Тот кто был жив ныне мертв

Мы что были живы теперь умираем

И терпенье кончается

Здесь нет воды лишь камни

Камни и нет воды и в песках дорога

Дорога ведущая в горы

В горы камней в коих нет воды

А была бы вода мы бы встали припали бы к ней

Но ни встать ни помыслить средь этих камней

Солью пот и ступни в песке

Средь этих камней чуть воды бы

Мертвых гор пересохшая черная пасть

Здесь ни встать ни сесть ни упасть
Даже безмолвия нет в этих горах
Гром без дождя
И одиночества нет в этих горах
Исподлобья красные злобные лица
Смотрят глумливо из жалких лачуг
Была бы вода
А не камни
Пусть камни
Но и вода
И вода
Родничок
Лужица
Хоть бы голос воды
Не цикады
Не посвист иссохшей травы
Журчанье воды по камням
В коих дрозд-отшельник средь сосен
выводит
Кап-кап кап-кап кап-кап-кап
Но нет здесь воды
Кто он третий идущий всегда с тобой
Посчитаю так нас двое ты да я
Но взгляну вперед по заснеженной дороге
Там он третий движется рядом с тобой
В темном плаще с капюшоном
И не знаю мужчина ли женщина

- Кто ж он бок о бок с тобой
Что там за звуки с небес
Тихий плач материнский
Что там за орды несутся
По иссохшей безводной равнине
Коей нет ни конца и ни краю
Что за город там над горами
Рассыпается в лиловом небе
Падают башни
Иерусалим Афины Александрия
Вена Лондон
Фантом
И женщина свой распустила узел
И волосы как струны зазвенели
Нетопыри сложив крыла на пузе
Повисли вниз головой на капители
Лилового свеченья полоса
Колокола ударили на башне
Храня свой час вчерашний
И пересохших колодцев голоса
В этой пустыне меж гор нет жизни
Месяц бессилен и трава поет
Над щебнем надгробий
Пустая часовня, жилище ветра.
Окна зияют, дверь скрипит на ветру
Мертвые кости чар не таят.
Лишь петушок на коньке

Ку-ка-реку ку-ка-реку

Меж молний. Влагой дохнуло.

К дождю.

Ганга обмелел, и обвисшие листья

Ждали дождя, а тучи

Сгущались вдали над Гимавантом.

Джунгли присели в молчанье, как перед
прыжком.

И тогда гром сказал

DA

Datta что же мы дали

Отчаянье жить мгновеньем

Стоящее столетий благоразумья

Сим и лишь сим мы и жили

Чего не отыщешь ни в некрологах

Ни в эпитафиях наших затянутых паутиной

Ни за печатями сломанными адвокатом

В пустых наших квартирах

DA

Dayadhvam Слышал я ключ повернулся

Только раз повернулся в замке

Думаем все о ключе, каждый в темнице
своей

О ключе, ощущая темницу

Лишь ночью - и звуки эфира

На миг оживляют разбитого Кориолана

DA

Damyata Судно слушалось

Радостно твердой руки у кормила

Море спокойно, и сердце послушалось бы

Радостно, только позволь ему - забьется

Как велено кормчим

На берегу я сидел

И удил, пустыня за моею спиною

Наведу ли порядок я в землях моих

Лондонский мост падает падает падает

Poi s'ascese nel foco che gli affirm {}

{ И скрылся там, где скверну жжет пучина (итал.). }

Quando fiam uti chelidon {} - Ласточка ласточка

{ ...когда же я стану, как ласточка (лат.). }

La Prince d'Aquitaine a la tour abolie {}

{ Аквитанский принц у разрушенной башни (франц.). }

Обломками сими подпер я руины мои

Будет вам зрелище! Иеронимо вновь безумен.

Datta. Daydhvam. Damyata {}.

{ Давай, сострадай, властвуй собой (санскрит.). }

Shantih shantih shantih {}

{ Заключительные слова из Упанишад. В автокомментарии Элиот переводит их как Мир (покой), превосходящий всякое понимание (the Peace which passeth understanding). Характерно, что отсылки к соответствующему библейскому тексту The Peace of God which passeth understanding (Philippians, 4, 7) Элиот не дает. }

Перевод С. Степанова

БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

А то еще видал я Кумскую Сивиллу в

бутылке. Дети ее спрашивали Сивилла, чего ты

хочешь, а она в ответ Хочу умереть.

Петроний Сатирикон

Посвящается Эзре Паунду

Il miglior fabbro {}.

{ Мастеру выше, чем я (итал.). }

I. ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВОГО

Апрель, беспощадный месяц, выводит

Сирень из мертвой земли, мешает

Воспоминанья и страсть, тревожит

Сонные корни весенним дождем.

Зима дает нам тепло, покрывает

Землю снегом забвенья, лелеет

Каплю жизни в засохших клубнях.

Лето напало на нас, пронесшись над Штарнбергерзее

Внезапным ливнем; мы скрылись под колоннадой

И вышли, уже на солнечный свет, в Хофгартен

И выпили кофе, и целый час проболтали.

Bin gar keine Russin, stamm' aus Litauen, echt deutschl.

{ Я вовсе не русская, родом из Литвы, чистокровная немка (нем.). }

А когда мы в детстве ездили в гости к эрцгерцогу

Он мой кузен - он меня усадил на санки,

А я испугалась. Мари, - сказал он, - Мари,

Держись покрепче! И мы понеслись.

В горах там привольно.

По ночам я читаю, зимою ежу на юг.

Что там за корни в земле, что за ветви растут

Из каменистой почвы Этого, сын человека,

Ты не скажешь, не угадаешь, ибо узнал лишь

Грудю поверженных образов там, где солнце палит,
А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок утешенья,
Ни камни сухие журчанья воды. Лишь
Тут есть тень под этой красной скалой
(Приди же в тень под этой красной скалой),
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.

Frisch weht der Wind,

Der Heimat zu

Mein Irisch Kind,

Wo weilest du {

{ Свежий ветер летит

к родине, где ты сейчас,

моя ирландская дева (нем.)}

Ты преподнес мне гиацинты год назад,

Меня прозвали гиацинтовой невестой.

- И все же когда мы ночью вернулись из сада,

Ты - с охапкой цветов и росой в волосах, я не мог

Говорить, и в глазах потемнело, я был

Ни жив ни мертв, я не знал ничего,

Глядя в сердце света, в молчанье.

Oed' und leer das Meer {.

{ Уныло и пустынно море (нем.)}

Мадам Созострис, знаменитая ясновидящая,

Сильно простужена, тем не менее

С коварной колодой в руках слывет
Мудрейшей в Европе женщиной. Вот, - говорит она,
Вот ваша карта - утопленник, финикийский моряк.
(Стали перлами глаза. Видите)
Вот Белладонна, Владычица Скал,
Владычица обстоятельств.
Вот человек с тремя опорами, вот Колесо,
А вот одноглазый купец, эта карта
Пустая - то, что купец несет за спиной,
От меня это скрыто. Но я не вижу
Повешенного. Ваша смерть от воды.
Я вижу толпы, шагающие по кругу.
Благодарю вас. Любезнейшей миссис Эквитон
Скажите, что я принесу гороскоп сама
В наши дни надо быть осторожной.
Призрачный город,
Толпы в буром тумане зимней зари,
Лондонский мост на веку повидал столь многих,
Никогда не думал, что смерть унесла столь многих.
В воздухе выдохи, краткие, редкие,
Каждый под ноги смотрит, спешит
В гору и вниз по Кинг-Уильям-стрит
Туда, где Сент-Мери Вулнот часы отбивает
С мертвым звуком на девятом ударе.
Там в толпе я окликнул знакомого Стетсон!
Стой, ты был на моем корабле при Милах!
Мертвый, зарытый в твоём саду год назад,

Пророс ли он Процветет ли он в этом году
Или, может, нежданный мороз поразил его ложе
И да будет Пес подальше оттуда, он друг человека
И может когтями вырыть его из земли!

Ты, hypocrite lecteur! - mon semblable, - mon frere! {}

{ Лицемерный читатель! - подобный мне, - брат мой! (франц.) последняя строка стихотворения Ш. Бодлера К читателю, открывающего сборник Цветы зла обращение к читателю - духовному соучастнику таящихся в обыденной городской жизни мерзостей и убийств.}

II. ИГРА В ШАХМАТЫ

Она сидела, как на троне, в кресле,
Лоснившемся на мраморе, а зеркало
С пилястрами, увитыми плющом,
Из-за которого выглядывал Эрот
(Другой крылом прикрыл глаза),
Удваивало пламя семисвечников,
Бросая блик на стол, откуда
Алмазный блеск ему навстречу шел из
Атласного обилия футляров.
Хрустальные или слоновой кости
Флаконы - все без пробок - источали
Тягучий, сложный, странный аромат,
Тревожащий, дурманящий, а воздух,
Вливаясь в приоткрытое окно,
Продлял и оживлял свечное пламя
И возносил дымы под потолок,
Чуть шевеля орнаменты кессонов.
Аквариум без рыб

Горел травой и медью на цветных камнях,
В их грустном свете плыл резной дельфин.
А над доской старинного камина,
Как бы в окне, ведущем в сад, виднелись
Метаморфозы Филомелы, грубо
Осиленной царем фракийским; все же
Сквозь плач ее непобедимым пенем
Пустыню заполнявший соловей
Ушам нечистым щелкал Щелк, щелк, щелк.
И прочие обломки времени
Со стен смотрели, висли, обвивали
И замыкали тишину.
На лестнице слышались шаги.
Под гребнем пламенные языки
Ее волос в мерцании камина,
Словами вспыхнув, дико обрывались.
Все действует на нервы. Все. Останься.
Скажи мне что-нибудь. Ты все молчишь.
О чем ты думаешь О чем ты А
Я никогда не знаю. Впрочем, думай.
Думаю я, что мы на крысиной тропинке,
Куда мертвецы накидали костей.
Что там за стук
Ветер хлопает дверью.
Какой ужасный шум. Что ветру надо
Ничего ему не надо.
Послушай,

Ты ничего не знаешь Ничего не видишь Ничего

Не помнишь

Я помню

Были перлами глаза.

Ты жив еще Ты можешь мне ответить

Но

О О О О Шехекеспировские шутки

Так элегантно

Так интеллигентно

А что мне делать Что мне делать

С распущенными волосами выбежать

На улицу А что нам делать завтра

Что делать вообще

С утра горячий душ,

Днем, если дождь, машина. А теперь

Мы будем в шахматы играть с тобой,

Терзая сонные глаза и ожидая стука в дверь.

Когда мужа Лил демобилизовали,

Я ей сказала сама, прямо, без никаких

ПРОШУ ЗАКАНЧИВАТЬ ПОРА

Альберт скоро вернется, приведи себя в порядок.

Он спросит, куда ты девала деньги, что он тебе

Оставил на зубы. Да-да. Я сама же слыхала.

Не дури. Лил, выдери все и сделай вставные.

Он же сказал смотреть на тебя не могу.

И я не могу, говорю, подумай об Альберте,

Он угробил три года в окопах, он хочет пожить,

Не с тобой, так другие найдутся, - сказала я.

- Вот как - сказала она. - Еще бы, - сказала я,

Ну так спасибо, - сказала она, - договаривай до конца.

ПРОШУ ЗАКАНЧИВАТЬ ПОРА

Не хочешь, делай что хочешь, - сказала я.

Раз ты не сумеешь, другие сумеют.

Но, если он тебя бросит, так не без причины.

Стыдись, говорю я, ты стала развалиной.

(А ей всего тридцать один.)

- А что я могу, - говорит она и мрачнеет,

Это все от таблеток, тех самых, ну, чтобы...

(У нее уже пятеро, чуть не загнулась от Джорджа.)

Аптекарь сказал, все пройдет, а оно не прошло.

- Ну и дура же ты, - сказала я.

Скажем, Альберт тебя не оставит, - сказала я,

Так на черта ж ты замужем, если не хочешь рожать

ПРОШУ ЗАКАНЧИВАТЬ ПОРА

В воскресенье Альберт вернулся, у них был

горячий окорок,

И меня позвали к обеду, пока горячий...

ПРОШУ ЗАКАНЧИВАТЬ ПОРА

ПРОШУ ЗАКАНЧИВАТЬ ПОРА

Добрночи, Билл. Добрночи, Лу. Добрночи, Мей,

Добрночи. Угу. Добрночи.

Доброй ночи, леди, доброй ночи, прекрасные

леди, доброй вам ночи.

III. ОГНЕННАЯ ПРОПОВЕДЬ

Речной шатер опал; последние пальцы листьев
Цепляются за мокрый берег. Ветер
Пробегаёт неслышно по бурой земле. Нимфы ушли.
Милая Темза, тише, не кончил я песнь мою.
На реке ни пустых бутылок, ни пестрых оберток,
Ни носовых платков, ни коробков, ни окурков,
Ни прочего реквизита летних ночей. Нимфы ушли.
И их друзья, шалопаи, наследники директоров Сити,
Тоже ушли и адресов не оставили.
У вод леманских сидел я и плакал...
Милая Темза, тише, не кончил я песнь мою,
Милая Темза, тише, ибо негромко я и недолго пою.
Ибо в холодном ветре не слышу иных вестей,
Кроме хихиканья смерти и лязга костей.
Сквозь травы тихо кравшаяся крыса
Тащила скользким брюхом по земле,
А я удил над выцветшим каналом
За газовым заводом в зимний вечер
И думал о царе, погибшем брате,
И о царе отце, погибшем прежде.
В сырой низине белые тела,
С сухой мансарды от пробежки крысьей
Порою донесется стук костей.
А за спиною, вместо новостей,
Гудки машин весной в такой машине
К девицам миссис Портер ездит Суини.
Ах, льет сиянье месяц золотой

На миссис Портер с дочкой молодой

Что моют ноги содовой водой

Et O ces voix d'enfants, chantant dans la coupole! {}

{ И о эти голоса детей, под куполом поющих! (франц.) - последняя строка сонета П. Вершена Парсифаль, написанного под впечатлением одноименной оперы Вагнера. Хор детей поет у Вагнера во время церемонии омовения ног, предшествующей завершению поисков Грааля.}

Щелк щелк щелк.

Упрек упрек упрек

Осиленной так грубо.

Терей

Призрачный город

В буром тумане зимнего полудня

Мистер Евгенидис, купец из Смирны,

Небритость, полный карман коринки,

Стоимость-страхование-фрахт, Лондон,

Пригласил на вульгарном французском

Отобедать в отеле Кеннон-стрит,

После - уик-энд в Метрополе.

В лиловый час, когда глаза и спины

Из-за конторок поднимаются, когда людская

Машина в ожидании дрожит, как таксомотор,

Я, Тиресий, пророк, дрожащий меж полами,

Слепой старик со сморщенной женской грудью.

В лиловый час я вижу, как с делами

Разделавшись, к домам влекутся люди,

Плывет моряк, уже вернулась машинистка,

Объедки прибраны, консервы на столе.

Белье рискует за окно удрать,

Но все же сушится, пока лучи заката не потухли,
А на диване (по ночам кровать)
Чулки, подвязки, лифчики и туфли.
Я, старикашка с дряблой женской грудью,
Все видя, не предвижу новостей
Я сам имел намеченных гостей.
Вот гость, прыщавый страховой агент,
Мальчишка с фанаберией в манере,
Что о плебействе говорит верней, чем
Цилиндр - о брэдфордском миллионере.
Найдя, что время действовать настало,
Он сонную от ужина ласкает,
Будя в ней страсть, чего она нимало
Не отвергает и не привлекает.
Взвинтясь, он переходит в наступленье,
Ползущим пальцам нет сопротивленья,
Тщеславие не видит ущемленья
В объятиях без взаимного влеченья.
(А я, Тиресий, знаю наперед
Все, что бывает при таком визите
Я у фиванских восседал ворот
И брел среди отверженных в Аиде.)
Отеческий прощальный поцелуй,
И он впотьмах на лестницу выходит...
Едва ли зная об его уходе,
Она у зеркала стоит мгновенье;
В мозгу полувозникло что-то, вроде

Ну, вот и все, - и выдох облегченья,
Когда в грехе красавица, она,
По комнате бредя, как бы спросонья,
Рукой поправит прядь, уже одна,
И что-то заведет на граммофоне.
Музыка подкралась по воде
По Стрэнду, вверх по Куин-Виктория-стрит.
О Город, город, я порою слышу
Перед пивной на Лоуэр-Темз-стрит
Приятное похныкиванье мандолины,
А за стеной кричат, стучат мужчины
То заседают в полдень рыбаки; а за другой стеной
Великомученика своды блещут несказанно
По-ионийски золотом и белизной.
Дегтем и нефтью
Потеет река
Баржи дрейфуют
В зыби прилива
Красные паруса
Терпеливо
Ждут облегчающего ветерка.
Бревна плывут
Возле бортов
К Гринвичу
Мимо Острова Псов.
Вейалала лейа
Валлала лейалала

Елизавета и Лестер
В ладье с кормой
В виде раззолоченной
Раковины морской
Красный и золотой
Играет прилив
Линией береговой
Юго-западный ветер
Несет по теченью
Колокольный звон
Белые башни
Вейалала лейа
Валлала лейалала
Место рожденья - Хайбери. Место растленья
Ричмонд. Трамваи, пыльные парки,
В Ричмонде я задрала колени
В узкой байдарке.
Ногами я в Мургейте, а под ногами
Сердце. Я не кричала.
После он плакал. Знаете сами.
Клялся начать жить сначала.
В Маргейте возле пляжа.
Я связь ничего
С ничем.
Обломки грязных ногтей не пропажа.
Мои старики, они уж не ждут совсем
Ничего.

ла ла

Я путь направил в Карфаген

Горящий горящий горящий

О Господи Ты выхватишь меня

О Господи Ты выхватишь

горящий

IV. СМЕРТЬ ОТ ВОДЫ

Флеб, финикиец, две недели как мертвый,

Крики чаек забыл и бегущие волны,

И убытки и прибыль.

Морские течения,

Шепча, ощипали кости, когда он, безвольный

После бури, вздымаясь и погружаясь,

Возвращался от зрелости к юности.

Ты,

Иудей или эллин под парусом у кормила,

Вспомни о Флебе и он был исполнен силы

и красоты.

V. ЧТО СКАЗАЛ ГРОМ

После факельных бликов на потных лицах

После холодных молчаний в садах

После терзаний на пустошах каменистых

Слез и криков на улицах и площадях

Тюрьмы и дворца и землетрясения

Грома весны над горами вдали

Он что жил ныне мертв

Мы что жили теперь умираем

Набравшись терпенья
Нет здесь воды всюду камень
Камень и нет воды и в песках дорога
Дорога которая вьется все выше в горы
Горы эти из камня и нет в них воды
Была бы вода мы могли бы напиться
На камне мысль не может остановиться
Пот пересох и ноги уходят в песок
О если бы только была вода среди камней
Горы гнилозубая пасть не умеет плевать
Здесь нельзя ни лежать ни сидеть ни стоять
И не найдешь тишины в этих горах
Но сухой бесплодный гром без дождя
И не найдешь уединенья в этих горах
Но красные мрачные лица с ухмылкой усмешкой
Из дверей глинобитных домов
О если бы тут вода
А не камни
О если бы камни
И также вода
И вода
Ручей
Колодец в горах
О если бы звон воды
А не пенье цикад
И сухой травы
Но звон капли на камне

Словно дрозд-отшельник поет на сосне
Чок-чок дроп-дроп кап-кап-кап
Но нет здесь воды
Кто он, третий, вечно идущий рядом с тобой
Когда я считаю, нас двое, лишь ты да я,
Но, когда я гляжу вперед на белеющую дорогу,
Знаю, всегда кто-то третий рядом с тобой,
Неслышный, в плаще, и лицо закутал,
И я не знаю, мужчина то или женщина,
- Но кто он, шагающий рядом с тобой
Что за звук высоко в небе
Материнское тихое причитанье
Что за орды лица закутав роятся
По бескрайним степям спотыкаясь о трещины почвы
В окружении разве что плоского горизонта
Что за город там над горами
Разваливается в лиловом небе
Рушатся башни
Иерусалим Афины Александрия
Вена Лондон
Призрачный
С ее волос распущенных струится
Скрипичный шорох колыбельный звук
Нетопырей младенческие лица
В лиловый час под сводом крыльев стук
Нетопыри свисают книзу головами
И с башен опрокинутых несется

Курантов бой покинутое время
И полнят голоса пустоты и иссякшие колодцы.
В этой гнилой впадине меж горами
Трава поет при слабом свете луны
Поникшим могилам возле часовни
Это пустая часовня, жилище ветра,
Окна разбиты, качается дверь.
Сухие кости кому во вред
Лишь петушок на флюгере
Ку-ка-реку ку-ка-реку
При блеске молний. И влажный порыв,
Приносящий дождь.
Ганг обмелел, и безвольные листья
Ждали дождя, а черные тучи
Над Гимавантом {} сгустились вдали.
{ Гимавант - священная гора в Гималаях.}
Замерли джунгли, сгорбась в молчанье.
И тогда сказал гром
ДА
Датта что же мы дали
Друг мой, кровь задрожавшего сердца,
Дикую смелость гибельного мгновенья
Чего не искупишь и веком благоразумия
Этим, лишь этим существовали
Чего не найдут в некрологах наших
В эпитафиях, затканых пауками
Под печатями, взломанными адвокатом

В опустевших комнатах наших

ДА

Даядхвам я слышал, как ключ

Однажды в замке повернулся однажды

Каждый в тюрьме своей думает о ключе

Каждый тюрьму себе строит думами о ключе

Лишь ночью на миг эфирное колыханье

Что-то будит в поверженном Кориолане.

ДА

Дамьята {} лодка весело

{ Датта, даядхвам, дамьята - дай, сочувствуй, владей (санскр.). }

Искусной руке моряка отвечала

В море спокойно, и сердце весело

Могло бы ответить на зов и послушно забиться

Под властной рукой

Я сидел у канала

И удил, за спиною - безводная пустошь

Наведу ли я в землях моих порядок

Лондонский мост рушится рушится рушится

Poi s'ascose nel foco che gli affirm {}

Quando fiam uti chelidon {} - О ласточка ласточка

Le Prince d'Aquitaine a la tour abolie {}

Обрывками этими я укрепил свои камни

Так я вам это устрою.

Иеронимо снова безумен.

Датта. Даядхвам. Дамьята.

Шанти шанти шанти {}

{ И скрылся там, где скверну жжет пучина (Данте, Чистилище, XXVI, с. 148) - повествовательное заключение монолога Арнальда Даньеля (см. прим. к Пепельной Среде).

Обрывок строки из заключительной строфы в анонимной латинской поэме II или III в. н. э. Канун Венериного дня. После описания готовящихся торжеств весеннего праздника любви поэт вопрошает Когда же придет моя весна Когда же я стану ласточкой, голос обретшей.

Аквитанский принц у разрушенной башни - вторая строка сонета французского поэта Жерара де Нерваля Рыцарь, лишенный наследства (сборник Химеры). Нерваль отождествляет себя с изгнанным принцем, потомком трубадуров. Разрушенная башня (карта из колоды таро) в сонете - символ несчастной судьбы.

Мир, который превыше всякого ума (санскр.) - рефрен Упанишад, также слова из послания ап. Павла к филиппийцам.}

Перевод А. Сергеева

БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Посвящается Эзре Паунду,

Il miglior fabbro

А то еще видал я Кумскую Сивиллу в бутылке.

Дети ее спрашивали Сивилла, чего ты хочешь

а она в ответ Хочу умереть.

Петроний, Сатирикон.

I. Погребение мертвых

Жестокий месяц апрель возрождает

Подснежник из мертвой земли, смешивает

Желанья и память, бередит

Сонные корни весенним дождем.

Зима согревала нас, покрывала

Землю снегом забвенья, оставляла

Капельку жизни иссохшим клубням.

Лето нас удивило потоками ливня

Над Штарнбергерзее; мы переждали под колоннадой

И пошли по залитой солнечным светом аллее
в Хофгартен
Пили там кофе и почти целый час проболтали.
Bin gar keine Russian, stamm' aus Litauen, echt deutsch.
А когда я в детстве гостила в доме кузена
Эрцгерцога, тот пригласил меня покататься
на санках,
А я испугалась. Мари, - сказал он тогда,
Покрепче держись, Мари. И помчались мы вниз.
В горах ощущаешь свободу.
По ночам я часто читаю, а зимой уезжаю на юг.
Какие корни проросли сквозь грудку камня, каких
Растений прорастают побеги Сын человеческий,
Ты ни сказать, ни угадать того не можешь, ибо
Нагроможденье только образов несвязных ты познал
В краю, где от всепожирающего солнца
Укрытия сухое древо не дает, сверчок не утешает,
Из камня там не выжать капли влаги. Лишь
Под этой рыжею скалою тень найдешь
(Приди же в тень под рыжую скалу),
Я покажу тебе здесь то, что непохоже
На тень твою, спешащую вслед за тобою по утрам,
Или на тень твою, тебя встречающую на закате,
И ты увидишь ужас - прах в горсти.
Frisch went der Wind
Der Heimat zu
Mein Irisch Kind,

Wo Weitest du

Ты преподнес мне гиацинты год назад впервые,
И девушкою с гиацинтами меня прозвали.

- Когда той ночью возвращались мы из сада,

Ты шла с охапкою цветов, и в волосах твоих
сверкали капли,

Я ж из себя ни слова выдать не мог и ничего
не видел - был

Ни жив, ни мертв, не зная ничего,

Глядел я в сердце света, в тишину.

Oed' und leer das Meer.

Мадам Созострис, знаменитая гадалка,

Ангиною больна, однако,

Она, слывущая мудрейшей женщиной в Европе,

С коварною колодой карт не расстается. Вот

Карта ваша - утонувший моряк из Финикии

(Глядите стали перлами глаза);

Вот Беладонна, Повелительница Скал

И Повелительница обстоятельств,

А вот - Трехжезлый, следом - Колесо,

За ним - Торговец одноглазый, вот - Пустышка

Товар, который на спине несет он,

Сие увидеть не дано мне. Что-то не найду

Повешенного. Страшитесь смерти от воды.

Теперь я вижу только толпы людей, шагающих
по кругу.

- Благодарю. - Скажите милой миссис Эквитон,

Что гороскоп я принесу сама,
Сейчас во всем необходима осторожность.
О город-призрак
Под бурой пеленой тумана зимним утром
Поток толпы на лондонский стремится мост,
Я и не знал, что смерть взяла столь многих.
Короткие прерывистые вздохи,
И каждый под ноги себе глядит.
Поток стремится вверх и вниз вдоль по
Кинг-Вильям-Стрит
Туда, где отмеряет время Сент Мэри Вулнот,
И вот мертвящим звуком бьет удар девятый.
Я вдруг знаконца увидал и крикнул Стетсон!
Сражались вместе мы на корабле при Милах!
Скажи, тобой зарытый год назад в саду
Мертвец пророс ли Зацветет весною
А может, поразили внезапные морозы это ложе
Ты Пса, гляди, не подпускай к нему, не то друг
человека
Опять когтями землю разгребет!
Ты! hypocrite lecteur! - mon semblable, - mon frere!
II. Игра в шахматы
Как трон, среди мрамора сверкало Кресло,
Она здесь восседала среди зеркал
С пилястрами, увитыми лозою,
Златой Эрот выглядывал из-за
Ветвей (крылом закрыл глаза другой);

Удваивались семисвечников огни,
Свет отражался от зеркал и падал
На стол, ему навстречу блеск алмазный
Шел от атласной роскоши футляров.
Откупоренные флаконы из
Слоновой кости и стекла цветного
Таили странный, сложный аромат,
Тревоживший и бередивший чувства,
Он одурманивал, а свежий воздух
Струился из окна и продлевал
Свечное пламя, вознося клубы
Под потолок, где смешивался дым
С орнаментами и резьбой кессонов.
Аквариум огромный, окаймленный
Каменьями цветными, весь блистал
Огнем и зеленью, и медью - в этом
Печальном свете плыл резной дельфин.
Как будто пасторальный вид в окне
Картина над доской каминной, где
Изображалось превращенье Филомелы,
Поруганной царем фракийским зверски,
И вот она рыдает, соловей
Пустыню вечным пенем наполняет,
Как будто целый мир ушам нечистым
Кричит Фьюить - Фьюить - Фьюить.
Со стен в глаза бросались и другие
Обломки времени, что извивались,

Вопили, комнату сдушив в объятьях.
По лестнице прошаркали шаги.
Пылал камин, бросая свет на пряди
Ее волос, как языки огня,
Под гребнем вившихся, чтоб раскалить
Слова и в дикой ярости затихнуть.
Под вечер расшалились нервы. Нервы.
Побудь со мной. Скажи хоть слово. Слово.
О чем ты думаешь О чем Скажи!
Я никогда того не знала. Ну о чем ты
Я думаю, мы на крысьей тропе,
Где кости свои мертвецы растеряли.
Что там за шум
Под дверью ветер воеет.
О чем шумит, о чем так воеет ветер
Да все о том же - ни о чем.
Ты
Ничего не знаешь Ты ничего не видишь
Ничего
Не помнишь
Нет, помню
Стали перлами глаза.
Ты жив иль нет Неужто голова твоя пуста
Однако
Ох Ох Ох Уж эти мне Шекспи-ки-ровские штучки
Так элегантно, так умно.
Что же мне делать Что же делать

На улицу что ль выскочить в таком вот виде,
С растрепанными волосами Что нам делать
завтра
И вообще что делать
Горячий душ с утра,
Коль будет дождь, машину подадут в четыре.
Мы будем в шахматы играть,
Тереть глаза, не знающие сна,
И стука в дверь, как прежде, дожидаться.
Когда демобилизовали мужа Лил,
Я ей сказала в лоб, без обиняков
Прошу Поторопиться Время
Альберт вернется скоро, пора бы за собою
последить.
Он спросит, что с деньгами стало, которые
при мне оставил он тебе на зубы.
Давай-ка, вырви эти, Лил, - сказал он,
И вставь нормальные, а то смотреть, ей-богу,
тошно.
Подумай о бедняге, - я сказала. - Альберт
Четыре года вшей кормил, ему, конечно, хочется
пожить,
Не будет радости с тобою - так с другими.
Ах вот как - говорит она. А я в ответ Да, так
и будет.
Она мне Буду знать, кому сказать спасибо. И
как-то странно на меня взглянула.

Не хочешь - как хочешь. Продолжай в том же духе,

Его отобьют, - говорю, - и пиши пропало.

Если Альберт бросит тебя, знай, что сама виновата.

Стыдись, я сказала, ты выглядишь, как старуха

(А ей только тридцать один).

Что теперь делать, - сказала она с кислым видом.

Все от таблеток, я принимала их, чтобы вытравить

это...

(У нее уже пятеро, когда Джорджа рожала, чуть не
загнулась.)

Аптекарь сказал, что это совсем безвредно, а со
мной вот что стало.

Дура ты, - сказала я ей. - Набитая дура,

Для чего ты за него выходила, коли не хочешь

рожать

Прошу Поторопиться Время

Прошу Поторопиться Время

Альберт в воскресенье вернулся, и у них было жаркое,

Они позвали меня на обед, торопили, чтоб не остыло...

Прошу Поторопиться Время

Прошу Поторопиться Время

Спокночи, Билл. Спокночи, Лу. Спокночи, Мэй.

Спокночи.

Спокойной ночи, дамы, милые дамы, Спокойной

вам ночи.

III. Огненная проповедь

Речной шатер снесли, и кисти последних листьев

Цепляются за скользкий мокрый берег. Нимфы
удалились.

О Темза милая, пока я песнь пою, смири течение.

В реке не видно ни пустых бутылок, ни окурков,

Ни носовых платков из шелка, ни оберток, ни

других

Свидетельств летних вечеринок. Нимфы удалились.

А с ними их дружки, бездельники, сынки

директоров из Сити

Исчезли, не оставив адресов.

У вод Лемана я сидел и плакал...

О Темза милая, пока я песнь пою, смири течение,

О Темза милая, негромким и недолгим будет пенье.

Когда порыв ударит ледяной,

Ехидный смех и лязг костей услышу за спиной.

В траве чуть слышно крыса прошуршала,

На берег брюхо скользкое втащив,

У вод безжизненного я сидел канала,

Удил за газовым заводом в зимний вечер,

Грустя о том, что брат-король погиб,

А перед ним король, отец мой, умер.

Белеет груда голых тел в низине,

На чердаке сухом скрежещут крысы

По сваленным костям который год.

Порою по весне мотор взревет

И загудит клаксон машины

То к миссис Портер едет Суини.

Ах, льет лучи луна, блистая,
У миссис Портер дочка молодая,
Они в растворе соды ножки моют в мае.
Et O ces voix d'enfants, chantant dans la coupole!
Грех грех грех
Фьюить фьюить фьюить
Поруганная зверски
Терей
О город-призрак,
Под бурой пеленой тумана в зимний полдень
Купец из Смирны мистер Евгенидис,
Небрит, с карманами, набитыми коринкой,
Все документы наготове свободная торговля,
Лондон,
Сказал мне на французском просторечье,
Что приглашает в Кэннон-стрит Отель
На ленч, затем уик-энд, конечно, в Метрополе.
В лиловый сумеречный час, когда спина и взгляд
От стула и конторки оторвутся, а человеческий
двигатель дрожит
И ждет, как ждет такси, стуча мотором,
Я, Тиресий,
Мятущийся между своих двух жизней, я, слепой
Старик с обвислой женской грудью, вижу,
Как сумеречный час лиловый вновь ведет домой
Из плаванья матроса, и под крышу
Свою вернулась секретарша разожгла

Плиту, готовит ужин, достает консервы.
А за окном полощется белье,
Трепещет на ветру, рискуя вниз сорваться,
Бельем завален и диван (кровать ее)
Чулки, бюстгальтер, пара комбинаций.
А я, старик с увядшими сосцами,
Увидел все и предсказал конец
Сам принимал таких гостей - юнец
Прыщавый - страховой агент, однако
Самоуверен и нахален до предела,
Как будто без него все страховое дело,
Как брэдфордский миллионер без фрака.
Она устала, ужин завершен,
Он полагает, можно без опаски
Начать игру, ее ласкает он,
Она бесстрастно терпит эти ласки.
Он распалился вот уж в наступленье
Идут, преграды не встречая, руки,
Он словно рад ее бесстрастью, лени
Не ропщет самолюбие от скуки.
(А я перестрадал все наперед,
Как будто сам на том диване был,
Ведь у Фиванских я сидел ворот,
В Аиде среди падших я бродил.)
Он снисходительно ее целует
И прочь идет по лестнице впотьмах...
Еще не осознав, что он исчез,

Помедлила у зеркала немного,
Обрывок мысли в мозг ее пролез
Теперь все позади - и слава Богу.
Когда красавица, греху поддавшись вдруг,
Одна по комнате потом все ходит
То прядь взовьет она движеньем рук
Бесчувственных, то граммофон заводит.
Та музыка подкралась по воде
Вдоль Стрэнда, вверх по Квин-Виктория стрит,
О город, город, иногда я слышу,
Как сладостно вздыхает мандолина
На Лоуэр Темз-стрит, у пивной,
А там, внутри гудит народ хмельной,
Там рыбаки бездельничают днем,
А Магнус Мартир за стеной
Блестит бело-золотым огнем.
По взбухшей реке
Баржи плывут
Взопрела река
На воде мазут
Попутного ветра
Хлопая ждут
Широкие полотнища
Алых парусов.
Вниз по реке
Бревна плывут
На Гринвич минуя

Остров Псов
Вейа-ла-ла лейа
Вал-ла-ла лейа-ла-ла
Элизабет и Лейстер
От страсти сгорая
Плывут в челноке
Точно морская
Ракушка корма его
Красно-золотая.
Свежий юный ветер
Нагнетая волны
Несет их по реке
Мимо белых башен
Звон колокольный
Вдалеке
Вейа-ла-ла лейа
Вал-ла-ла лейа-ла-ла
Родил меня Хайбери, совратили
Ричмонд и Хью... Деревья с пыльной листвою.
У Ричмонда чести меня лишили,
Раздвинув колени в узком каноэ.
В Мургейте ноги мои, возле ног
Сердце. Он каялся, клялся в любви,
Плакал. А я проглотила упрек
К чему изливать обиды свои
На Маргейтских песках
Свяжу ничего

С ничем в пустоте.

Обломаны кости на грязных руках.

Мои старики из простых, из тех,

Кто не ждет ничего.

ла ла

Тогда в Карфаген я пришел

сгорая сгорая сгорая

О Боже, Ты вырвешь меня

О Боже, Ты вырвешь

сгорая

IV. Смерть от воды

Флеб, финикиец, две недели, как мертв,

Забыл он крики чаек и зыбь морскую,

И потери, и прибыль.

Подводные струи,

Шепча, ободрали кости его. Он тонул и всплывал,

Погружаясь в пучину, и путь совершил

От смерти к рождению.

Ты, иудей

Иль язычник, держащий штурвал,

Вспомни о Флебе и он был красив и, как ты,

полон сил.

V. Что сказал Гром

Был отблеск факелов на потных лицах

Был сад морозной немотой объятый

Был стон бессильный в каменных столицах

А нынче плач и возгласы в темницах

И во дворцах а там вдали - раскаты
В горах грохочет снова гром весенний.
Он прежде жил а ныне умер
Мы прежде жили ныне умираем
Едва найдя в себе терпенье
Нет здесь ни капли воды только скалы
Камни безводье песок под ногой
Тропинка все дальше уходит в горы
Здесь думать нельзя - скала над скалой
Губы хотя бы смочить водой
Высох пот и ноги вязнут в песках
Была бы хоть капля воды в горах
В гнилозубом рту мертвой горы пересохло здесь
Негде стать негде лечь негде сесть
И нет тишины в этих горах
Лишь сухой бесплодный гром
И нет одиночества в этих горах
Лишь красные мрачные рожи зло и глумливо
Ухмыляются из дверей глинобитных лачуг
Если бы вода
Вместо скал
Даже пусть вода
Среди скал
И вода
И весна
Ручеек среди скал
Или просто звук воды

Не цикад
И не пенье сухой травы
Хоть бы звук воды среди скал
Где поет отшельник-дрозд на сосне
Ток-ток тик-так кап кап кап
Но воды здесь не сыщешь нигде
Кто же тот третий, всегда идущий подле тебя
Ведь нас только двое здесь,
Но когда взглянусь в белизну пути впереди,
Вижу кого-то еще, всегда идущего подле тебя,
Невесомо ступает в буром плаще под капюшоном,
Не понятно, кто это - женщина или мужчина,
Но все-таки кто же идет подле тебя
Чей зазвучал в поднебесье
Приглушенный плач материнский,
Чьи обрушились орды, роясь
На бескрайних равнинах, через расщелины лезут,
На горизонте пустынном и плоском кишат,
Что за город навис над горами
Стены, камни, обломки падают в небе лиловом,
Рушатся башни
Иерусалим Афины Александрия
Вена Лондон
Призраки
Струясь со струн ее волос, парили
Скрипичных звуков волны в тишине,
А свет лиловый рассекали крылья

Нетопырей, висевших на стене
Вниз головами с лицами младенцев,
Вниз куполами в небе плыли башни,
Колокола пробили час вчерашний,
И голоса зывали из пустых колодцев.
В сей гибельной долине среди гор
В мерцании луны поет трава
Среди заброшенных надгробий у часовни
Пустынной, без окон, лишь двери хлопают
Да ветер здесь прибежище нашел.
Сухие кости не опасны никому.
На флюгере застыл петух
Ку-ка-реку ку-ка-реку
Во вспышках молний. И вот уж влажный шквал
Приносит дождь.
Ганг обмелел, бессильные листья
Дождя ожидали, а черные тучи
Над Гимавантом сгущались вдали,
И джунгли застыли, в тиши затаившись.
И тогда гром изрек
Да
Датта Что же мы отдали
Друг мой, кровь сотрясает сердце мое
Ужасную дерзость соблазна минутного
Не искупишь воздержанной жизнью,
Только так и только лишь этим мы жили,
Чего не найдут ни в посмертных памятцах,

Ни в эпитафиях, задрапированных
пауком-благодетелем,
Ни в комнатах наших пустых, которые вскроет
Тощий поверенный

Да

Даядхвам Я слышал однажды,
Как в замке повернулся ключ, лишь однажды,
Мы думаем лишь о ключе, каждый в своей темнице
Думает лишь о ключе, смиряясь с тюрьмой
Только в полночь, и шепот эфира
На миг возрождает поверженного Кориолана

Да

Дамьята Лодка ответила радостно
Рукам, управлявшимся мастерски с парусом и веслом.
Тихо было на море. Сердце могло бы ответить
Радостно и послушно забиться
В сильных руках.

Я удил на канале,
Сидя спиной к бесплодной равнине.
Смогу ли в порядок владенья свои привести
Вот и рухнул в Темзу мост, рухнул мост, рухнул мост.

Poi s'ascese nel foco che gli affina

Quando flam uti chelidon - О, ласточка, ласточка

La Prince d'Aquitaine a la tour abolie

Эти обрывки я выудил из-под обломков
Тогда я вам это устрою. Иеронимо вновь безумен.

Датта. Даядхвам, Дамьята.

Шанти шанти шанти

Перевод Я. Пробштейна

Примечания

БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ - В отдельном издании поэма сопровождалась псевдоакадемическими примечаниями Элиота - ироническими, пародийными и мистифицирующими. Поэма посвящена Эзре Паунду, потому что подверглась с его стороны значительной правке в сторону сокращения. Изъятые по совету Паунда фрагменты впоследствии печатались как отдельные стихотворения (Стариканус). В подтексте сквозного сюжета поэмы - поиски Святого Грааля. Отталкиваясь от современных интерпретаций мифа о Граале, Элиот перекидывает мостик к Золотой ветви Дж. Фрэйзера. Использование мифа, проведение постоянной параллели между современностью и древностью... ни больше ни меньше, чем способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история (Элиот, 1923). Эпиграф - из Петрониева Сатирикона. Кумекая сивилла пожелала себе вечной жизни, забыв пожелать вечную юность. Ее желание было исполнено (ср. со Стариканусом). По ходу сюжета сивилла превращается в мадам Созострис, а также является женской ипостасью слепого прорицателя Тиресия - сквозного персонажа поэмы (согласно одному из вариантов мифа, Тиресий был на семь лет превращен в женщину и впоследствии выступил как эксперт в споре богов о том, кто получает большее наслаждение от любви - мужчина или женщина. Женское наслаждение девятикратно сильнее, таков был суд Тиресия).

1. Погребение мертвого - Заглавие части - последние слова названия англиканской службы Обряд погребения мертвого. Тиресий в этой части поэмы - двойник Старикануса.

Первый отрывок из вагнеровского либретто Тристана и Изольды - куплет из песни моряка о покинутой возлюбленной, второй - крик слуги, посланного умирающим Тристаном посмотреть, не видно ли корабля Изольды.

Мадам Созострис гадает на картах Таро - как фактически существующих, так и изобретенных по такому случаю самим Элиотом.

Стали перлами глаза - слова из песни Ариэля в Буре Шекспира.

Беладонна здесь - итальянское имя одной из трех Парок и, возможно, королева из карточной колоды Таро.

И да будет Пес... - искаженная цитата из пьесы Белый дьявол драматурга-елизаветинца Дж. Вебстера, упомянутого в стихотворении Запашок бессмертия.

2. Игра в шахматы - Таково название пьесы драматурга-елизаветинца Т. Миддлтона; Элиот имеет в виду, скорее, другую пьесу того же автора Женщины, берегитесь женщин, в которой поединок за доской и сцена любовного обольщения разворачиваются одновременно. Игра в шахматы символизирует у Элиота постылые супружеские узы плотскую близость, лишенную духовности.

Описание покоев Беладонны открывается парафразами из шекспировской пьесы Антоний и Клеопатра.

Метаморфозы... Филомелы - миф о Филомеле - в творчестве Элиота сквозной (ср. также

Суини среди соловьев). Обесчещенная мужем сестры, Филомела была превращена в соловья и впоследствии тщетно пыталась поведать людям о своем бесчестии.

Прошу заканчивать; пора - принятое в Англии оповещение о закрытии бара на ночь (в Англии нет и никогда не было ночных увеселительных заведений).

Доброй ночи, леди - последние слова Офелии (акт IV, явл. 5). Вслед за этим извещается о ее смерти от воды

3. Огненная проповедь - Проповедь Будды перед священниками о скверне всего земного и о необходимости встать на путь отказа и аскезы.

Нимфы Темзы (они же вагнеровские девы Рейна) позаимствованы из поэмы Эдмунда Спенсера, имеющей рефреном слова Милая Темза, тише.

У вод леманских - ср. При реках вавилонских, там сидели мы и плакали. Леман - название Женевского озера, близ которого жил Элиот, работая над поэмой.

Миссис Портер - персонаж непристойной солдатской песни.

Терей - античный царь, обесчестивший Филомелу.

Мистер Евгенидис - одноглазый купец из гадания мадам Созострис. Сделанное им приглашение носит гомосексуальный характер.

Остров Псов находится напротив Гринвича. Именно в Гринвиче между королевой Елизаветой и лордом Лестером завязалась любовная интрига после загадочной смерти леди Лестер. Елизавета и Лестер упоминаются и в поэме Спенсера.

Вейалала лейа - рефрен песни дев Рейна в Сумерках богов.

Я путь направил в Карфаген - цитата из Исповеди блаженного Августина; продолжение цитаты ...где клочкотанье нечистых страстей гуденьем отдалось в моих ушах.

Горящий... - отсылка к Огненной проповеди Будды. И Будда, и блаженный Августин - выразители идей аскетизма.

О Господи, Ты выхватишь меня - слова Августина из Исповеди.

4. Смерть от воды - Вся часть представляет собой краткий повтор ключевых тем и мотивов перед ударной концовкой (5-й частью).

5. Что сказал Гром. В этой части поэмы христианская символика и дальнейшее развитие легенды о Граале сочетаются с аллюзиями на притчу из Упанишад боги, демоны и люди приступили к сотворителю мира и попросили изречь слово тем, другим и третьим. Сотворитель ответил троекратным да, которое в каждой из групп было растолковано по-своему.

Что за орды... - Исследователи сравнивают этот пассаж со Скифами Блока и Грядущими гуннами Брюсова.

Уголино делла Герардеска и Кориолан (римский полководец, герой пьесы Шекспира) - два узника один (согласно Данте) обречен на голодную смерть в запертой башне, другой заперт в темницу собственного духа.

Я вам это устрою - слова Иеронимо, героя пьесы драматурга-елизаветинца Т. Кида
Испанская трагедия, или Иеронимо снова безумен. Иеронимо вовлекает убийц своего
сына в спектакль по пьесе собственного сочинения и убивает их по ходу действия.

В данных комментариях частично использованы примечания из предыдущих русских
изданий Элиота, а также неизданный комментарий одного из переводчиков.
Подстрочные примечания к переводам А. Сергеева выполнены В. Муравьевым.

Переиздание переводов произведено по книгам

1. Элиот Т. С. Избранная поэзия СПб. Северо-Запад, 1994.

2. Элиот Т. С. Камень Христианская Россия, 1997.

3. Строфы века-2 Антология мировой поэзии в русских переводах XX века Сост. Е. В.
Витковский. М. Полифакт. Итоги века, 1998.

4. Элиот Т. С. Убийство в соборе СПб. Азбука, 1999.

В. Топоров